

Внимать дроздам — души отрада,
ведь с этим пенем забываю я
про все круги — земного ада,
что болью в сердце отзываются.

И я — от сильного отчаянья —
не застрелился вдруг в предбаннике,
где прежде горькие рыдания
не раз терзали сердце маменьки ...

Но все, что было — будто сплыло ...
и пусть — скорее забывается.
Зря что ли птицей сизокрылою
весна на землю возвращается.

Зря что ли мы в её преддверии
под белоствольною берёзою,
в двойное счастье вновь поверили,
от жгучих поцелуев розовы ...

И сердце в счастье не обманется,
через денёк да ночь угрюмую
леса в листву-красу нарядают
да так, что даже и не думал я ...

Весна — красавица бесспорная!
Но ты, любовь моя, — божественна!
И — снова верую упорно я
в тебя — моя святая женщина!

Вперёд! По тропке! Через поле
в объятьях солнечных лучей,
так пахнущих теплом мозолей
и терпким потом косарей ...

Как будто повстречаю юность ...
И с ней войду в сосновый лес,
где раззвенелись птичьи струны
до самой глубины — небес.

Внимать им — вечная улада,
и самому всем сердцем петь!
Как будто мне осталась в радость
всё молодеть и молодеть ...

И с юностью под ручку дальше
пойду на чистый звон ручья.
Он меж камней, вдоль скал журчащий,
напомнит мне, что жизнь — моя!

Пусть сил, быть может, и немного,
но ровно столько, чтоб душой
я победил и боль-тревогу,
и радость, бьющую грозой ...

Как в поднебесье мягко-нежно,
как звучен вешних птиц хорал!
Люблю ли я тебя? Конечно!
Иначе бы так не страдал.

Но я страдаю, Бог — свидетель,
лишь потому, что невзначай
твоей улыбки — не заметил,
а ведь она — сулила рай ...

Дурак! Но не последний всё же!
И потому — прости, прости!
И — застели цветами ложе,
успевшими так расцвести.

И тонкие, как стебли, свечи
зажги — пускай светло горят!
А чтоб совсем был чуден вечер,
поставь вино и виноград.

И вечером, как ветер вешний
ворвусь я в комнату твою,
по правде бесконечно грешный,
что лишь тебя одну люблю.

Святое чудо-наслажденье —
биенье наших двух сердец ...
В ответ на страстное моление
нас вновь — соединил Творец!

Умереть не дадут — это точно,
но и жить не помогут сполна.
И проносится вестью сорочьей
над душою моей тишина ...

Я как будто себе только нужен,
а ведь болью исполнен чужой,
ибо даже неблизких ужас
для меня изначально родной.

Только зря я опять печалюсь,
словно бью в пустоту кулаком ...
Ведь до капли устав, не отчаюсь,
как стена стоять на своём.
Пусть навек разойдётся с любовью,
все обиды гниют на корню,
и вконец истекает кровью
темень-стынь к световому дню.
Выше голову, взгляд упрямей,
и до солнца открыта высь!
Я сегодня в тяжёлой драме,
чтобы крахом не стала жизнь ...

Вновь с тобою, что за радость,
что за счастье, Боже мой!
Расцветай душою садом
в страсти чистой, огневой!

Только не смотри с упрёком,
словно я чужой в стране ...
Может быть, кому-то боком
время вышло, но — не мне!

Да я прежде в этой жизни
ни — художник, ни — поэт,
ни борец в своей Отчизне,
как восставший в мраке свет!

Мне пришлось осилить муки,
знать порой одну лишь боль,
не затем, чтоб люди-злюки
в нас смогли убить любовь.

За неё и впредь за благо
посчитаю — жить, как петь ...
и с листвою — по оврагам
даже в смерти мне не тлеть.

Помни — это и, конечно,
верь, что ты одна из всех,
с кем в грехе пребуду вечно,
ибо наша страсть не в грех ...

В обиде без конца не ройся,
и разум прояви в любви.
Не дорогую душу — бойся,
а купленную — за рубли.

Нет оправданья ни ошибкам,
ни заблуждениям — ничему! —
когда не слышно в вечных скрипках
стихов, переборовших тьму.

Любовь, конечно же, не ахи,
да и не охи, чёрт возьми, —
а страсть, сжигающая страхи
и отчужденье меж людьми.

В тебе привык я видеть небо
с горящим солнцем, с лётном птиц,
так будь собой в порыве гнева,
и в боли горькой без границ ...

И я вернусь — неотвратимо,
как ветер, как заря, как свет!
И без сомнений объяснимо,
что без тебя я — не поэт.

Ведь я люблю! И только этим
мне, может, и дано всерьёз
остаться золотым рассветом
саранок, камышей, берёз ...

Снова я — ох, печальная участь! —
так виновен за чью-то судьбу ...
Может, жить хорошо, горько мучась,
но не вечно же, словно рабу.

Мне бы встать и уйти безоглядно,
крикнув милой: «Живи, как живёшь! ..»
Только выйдет, пожалуй, неладно,
коль в любви всей душою поёшь.

Не скандалю, не думаю даже
днём с огнём своё счастье искать.
Но с тоски, как по горькой пропаже,
в одиночестве — заблуждаться.

И не образно, а в самом деле,
на морозе, в метель, в ветробой —
без надежды, без веры, без цели
всё хожу в неладу сам с собой.

Ничего не прошу ни у чёрта,
ни у Бога, как рухнувший в смерть!

Ничего — до разрыва — аорты
не хочу ни желать, ни иметь ...

Ничего, только малость покоя —
от любви, — ведь когда-то она,
как на сдачу досталась, — не стоя
ни тревог, ни страданий, ни сна ...

После небольшого потепленья
заморозок — грянул по утрам ...
у меня в душе ни сожалеенья,
ни отдохновенья, что умру.

Неужели подтверждает это,
что вконец сломался пред судьбой?
Очень труден вечный путь поэта
оставаться до конца собой ...

Только в небе, синью осиянном,
как бы мои звёзды ни сошлись,
я душою буду в доску пьяным
от любви, что подарила жизнь.

И меня не гложет безучастье, —
просто я сегодня загрустил
о неповторимо чистом счастье,
тем, которым душу вдохновил ...

Это счастье опалило сердце, —
и умчалось в звёздные края,
и теперь, как в ожиданье смерти,
как бы никому не нужен я ...

Всякое случается — порою,
да проходит... вот и в этот раз
погрущу немного сам с собою —
вспоминая нежно дивный час ...

И пускай в душе ни сожаленья,
ни отдохновенья, что умру ...
Заморозки сменил потепленья,
И, конечно, снова быть добру ...

Опять в душе нет ни тоски, ни грусти,
но, к сожаленью, нету и любви.
меня такого точно в рай не пустят,
и ты туда — упрямо ни зови.

Зачем он мне? Ведь, кажется, на свете
в раю уже я без сомненья был,
когда душой, порывистый, как ветер,
о, как же я безудержно любил! ..

И оттого мне остаётся только
в ад собираться по чуть-чуть, слегка.
И дышит смерть в седую душу горько
полюнью, где нашли покой века ...

С высоты смотровой площадки
бор мне виден почти насквозь.
Вот стоит в ожиданье схватки
за любовь, что священна, лось.

Он меня, точно знаю, чувствует ...
Только в страсти, как пред концом,
его больше — победа волнует
над таким же, как он, самцом.

Лось всё жарче водит ноздрями
и вздымает на холке шерсть.
Страшен зверь! Но клянусь — меж нами —
ох как много общего есть!

Пусть больше ни одной строки
не написать мне всё-таки,
ведь так устал, что нету мочи, —
не опечалюсь, не озлось,
поскольку вновь любви молось
и с ней душою дни и ночи.

Она — мой царь, она — мой бог,
и кто из нас кому помог
над горем вознестись, как птицам,
неважно, ибо каждый счастье
ковал из боли и ненастья
и верил: счастье состоится.

И мы судьбе — благодаря,
сошлись, — как утро и заря,
и навсегда так крепко слиты,
что можно образно сказать;
чтоб наши чувства изваять,
не хватит на земле — гранита ...

Сперва мороз, как для поверки
совсем не хило бил в набат,
потом пушистее, чем белки
снег выпал, обжигая взгляд!

И сразу — будто потеплело,
по крайней мере, — на душе.
Смотрю на боль не оробело,
без грусти, что седой уже.

Как по спирали, с каждой строчкой
всё выше, выше возножусь.
Но если смерть поставит точку,
то я под ней не подпишусь!

Звени, мороз, ещё сильнее —
во все, что есть, — колокола!
Теперь, когда я стал старше,
душа — как в молодость вошла! ..

Цыганские скрипки

Ах, ты жизнь моя, жизнь удалая,
только что-то на сердце тоска ...
Будто вьюга взъярилась лихая,
и, как солнце, мечта далека.

Саможалость опять одолела?
Или вспомнилась злая любовь?
В этот раз не отвечу я смело, —
и останусь без радости вновь ...

По какой-то тяжёлой ошибке,
я как будто — себя растерял ...
И под водку цыганские скрипки
Сокрушили — меня — наповал ...

Зарыдал бы!.. Да вроде бы стыдно,
ведь считаю для многих поэт,
кому правда до боли обидно,
что пророков в отечестве нет.

Но в хмелю отступает упрямо,
всё, что душу печально гнетёт ...
Так пойдёт — избегу новой драмы.
Ну, а старая больше не в счёт ...

Поднимаюсь, и к точному счёту
добавляю — сполна — чаевых.
Ухожу, вспомнив светлое что-то,
словно быть мне живее живых ...

Жизнь эта яростней, чем смерть!
Ведь от страданий нет покоя,
то кутерьма, то круговерть,
становятся мне полем боя.

Как заклинание, «Держись!..» —
кричу себе с утра до ночи.
И сердце, поднимаясь в высь,
вдруг вниз срывается, как кочет ...

Ни впереди, ни за спиной
не слышу гула светового —
земля во тьме, причём, сплошной,
а небо мрачно и свинцово ...

Часам счёт строго не виду,
но кажется день долгие века!
И Бог молчит, как на беду,
словно забыв — про человека ...

И значит нет другой опоры,
чем дух, мной кованный зело,
чтоб выстоять, горя, как порох,
чтоб душу тьмой не замело.

До хруста стискиваю зубы,
и с жизнью, ставшею врагом,
я будто только смерти любый,
бьюсь лото, как огонь и гром! ..

В жизни — увы, как в смерти,
достаточно злой круговерти,
чтоб жалобно волком завывать.
Но я, словно пёс от испуга,
забывшись поглубже в угол,
решаю: а стоит ли жить?

Ответ каждый раз неизменен:
стоит! — ведь я, вдохновенен,
как вновь ни горько, творю,
вернее, — кую — на счастье
в стихах с огневою страстью,
то полдень, то ночь, то зарю! ..